

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

УДК 141.201
ББК 87.3(2)53-688

Алексей Алексеевич Грякалов

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт философии человека, кафедра философской антропологии и истории философии, профессор, доктор философских наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: alexalgr@mail.ru

Анастасия Сергеевна Шевченкова

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт философии человека, кафедра философской антропологии и истории философии, ассистент, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Евгений Александрович Иванов

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена, Институт философии человека, кафедра философии, ассистент, кандидат философских наук, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: jenuya94.04.10@mail.ru

Проект будущего в философии космизма и практиках русского авангарда: основания коллективного субъекта¹

Аннотация. Рассматриваются идеи коллективности и интеграции отдельных индивидов в единую субъективность, направленную на переход от исторически обусловленного существования к состоянию активно действующей вневременной силы, что характерно для проектов космизма и русского авангарда. Особое внимание уделяется их роли в современном философско-культурологическом контексте, в котором отмечается тенденция к пересмотру субъект-объектных отношений в сторону их уравнивания в пространстве унифицированной смысловой среды. Подходы космизма и авангарда на этом фоне выделяются как попытки сохранить исключительность человека, акцентируя его коллективное измерение. В качестве ключевых оснований будущей общности всех людей в исследуемых направлениях выделяются различие между природным и культурным началами, а также наличие ясного и достижимого образа будущего. В качестве выводов отмечается, что, несмотря на утопичность и универсализм исследуемых концепций, отдельные их элементы могут быть регионально адаптированы в познавательных и образовательных практиках, культурных инициативах и стратегиях жизнестроения, нацеленных на сохранение культурной идентичности, формирование коллективного видения будущего и развитие общества в условиях современного мира.

Ключевые слова: космизм, русский авангард, коллективная субъективность, философия общего дела, футурология, проекты будущего, соборность

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00356, <https://rscf.ru/project/24-28-00356>. The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation 24-28-00356 <https://rscf.ru/project/24-28-00356>.

Aleksei Alekseevich Gryakalov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Professor, Dr. Sci. Phil., Russia, St. Petersburg, e-mail: alexalgr@mail.ru

Anastasia Sergeevna Shevchenkova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophical Anthropology and History of Philosophy, Assistant, Russia, St. Petersburg, e-mail: anastasia.shevchenkova@gmail.com

Evgeniy Aleksandrovich Ivanov

Herzen State Pedagogical University of Russia, Institute of Human Philosophy, Department of Philosophy, Assistant, Russia, St. Petersburg, e-mail: jenya94.04.10@mail.ru

The Project of a Future in the Philosophy of Cosmism and the Practices of the Russian Avant-Garde: the Foundations of a Collective Subject

Abstract. This article discusses the ideas of collectivity and the integration of individuals into a unified subjectivity. This concept, characteristic of the projects of cosmism and the Russian avant-garde, is aimed at facilitating a transition from a historically conditioned existence to the state of an actively acting timeless force. Particular attention is paid to their role in the modern philosophical and cultural context, which is marked by a tendency to revise subject-object relations in the direction of their equalization within a unified semantic environment. Against this background, the approaches of cosmism and the avant-garde stand out as attempts to preserve the exclusivity of the human, emphasizing its collective dimension. The key foundations for a future community of all people in the movements under study are identified as the distinction between natural and cultural principles, as well as the presence of a clear and achievable image of the future. In cosmism, the future is presented through a unique understanding of time as reversible, which consequently opens up prospects for the transformation of reality. In the Russian avant-garde, there is a general feeling of the future as having already arrived, which forms the collective consciousness. In conclusion, it is noted that despite the utopian and universalist orientation of the concepts under study, some of their elements can be regionally adapted in educational practices, cultural initiatives, and life-building strategies. These strategies aim to preserve cultural identity, form a collective vision of the future, and develop society in the modern world.

Key words: cosmism, Russian avant-garde, collective subjectivity, philosophy of common cause, futurology, projected future, sobornost

DOI: 10.17588/2076-9210.2026.1.041-055

Введение

Вопрос о концептуализации современности значим как в области культурно-исторической, так и особенно в сфере философской теории, тем более что он связан с пониманием своевременности и уместности в сложном пространстве топологической рефлексии. Обсуждения, до недавнего времени сводившиеся к выяснению отношений между модернизмом и постмодернизмом, в последнее

время дополнились темами метамодернизма и топомодерна². При этом совершенно очевидно, что гетерогенность метафорики и категориальности содержит в себе «бросок» к пониманию возможных перспектив актуальной рефлексии. Райнхарт Козеллек, исследуя темпоральные структуры исторического развития понятий, делает точное обобщение: «В действительности можно утверждать, что все современные “измы” образованы напряжением между опытом (обобщенным в них наличным бытием) и ожиданием (проектом будущего)» [3, с. 26].

На этом фоне современность неразрывно связана с неопределенностью, поиском стратегий выхода из сложившихся кризисов, необходимостью преодоления ограничений, установленных прошлым, а также с реализацией проектов лучшего будущего. Сценарии будущего рассматриваются гуманитарными исследователями с разных позиций: футурологии, социальной философии, философии науки, этики технологий, философии истории. Можно сказать, что установка современности нацелена на некоторый выход за пределы исторического и переход к иному типу бытия, уже не нуждающемуся в последующих прорывах ввиду изначально правильно расставленных приоритетов. Из предлагаемой М. Фуко³ триады современности – «проблематизация настоящего, способ исторического бытия, построение субъективности» – именно вопрос о характере субъективности выступает в качестве поля сборки той основы, на которой формируются проекты будущего. Статус социальной рефлексивности в условиях ускоряющегося ритма жизни сегодня может быть поставлен под вопрос, так как сам запрос на рефлексивное самоопределение «подчиняется технической и рационализирующей логике, в соответствии с которой развиваются производство и потребление»⁴. Процесс глобализации наглядно отражает и подпитывает кризис рефлексии, вводя в пространство жизненного мира тиражируемые образы популярной культуры: избыточное потребление, унификацию трудовых и досуговых практик – все это, как и многие другие элементы жизни XXI века, переводит вопрос о статусе субъекта из чисто философского и исторического рассмотрения в ландшафт политического, социального и культурного. В истории, которую проживает человек-субъект, понятий как дискурсивный эффект, надындивидуальные смыслообразующие нарративные структуры воображения опосредуют пространство возможного и невозможного не только в аспекте самосозна-

² См.: Павлов А. *Метамодернизм: критическое введение* // *Метамодернизм. Историчность, аффект и глубина после постмодернизма* / под ред. Р. ван ден Аккера и др.; пер. с англ. В.М. Липки; вступ. ст. и науч. ред. А.В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 7–33 [1]; Грякалов А.А. *Диалог, событие и субъект-свидетель – топо-модерн?* // *Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.)*. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. С. 11–30 [2].

³ См.: Фуко М. *Что такое Просвещение?* / пер. с фр. и примеч. Н.Т. Пахарьян // *Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология*. 1999. № 2. С. 141 [4].

⁴ См.: Афанасов Н. *Ускоренная рефлексивность – депрессивная социальность* // *Логос*. 2023. Т. 33, № 6(157). С. 11–12 [5].

ния, но и в аспекте (не)рефлексивной самоидентификации субъекта с обществом, политической рефлексии, упорядочивания своего и чужого⁵.

Вопрос о человеке и, как следствие, человеческом обществе в XXI веке в ряде западных философских теорий предсказуемо перемещается в пространство постантропологического дискурса (Б. Латур, Г. Харман, Т. Мортон, Ж.-М. Шеффер), в котором предлагается рассматривать общность (уже не исключительно человеческую) как некую форму группообразования в ситуации постоянно изменяющихся систем координат. В ситуации, когда к актерам относят как людей, так и неодушевленные предметы, исторические, культурные, природные, вымышленные феномены, а отказ от границ между природным и культурным погружает человека в единое дискретное поле (среду, сеть), вопрос обращения к рефлексии субъекта, смотрящего в будущее и проектирующего будущее, становится чрезвычайно актуальной задачей.

Русская философия конца XIX – начала XX века по-своему разворачивала проблематику субъективного. Будучи онтологически ориентированной, тесно связанной (в плане преемственности или критики) с православной традицией в христианстве, тяготеющей к художественной выразительности и эстетическому переживанию, русская мысль последовательно обращается к субъективности как к единству, произрастающему на почве общего чувства. Еще в 1865 г. Рудольф Клаузиус на основе предложенного им принципа энтропии выдвинул идею тепловой смерти Вселенной⁶ вследствие достижения термодинамического равновесия, в котором энергия становится «недоступной» для преобразований. Являясь пионером научных взглядов на долгосрочное будущее космоса, теория вызвала дискуссии не только в физике, но и в философских науках, подняла вопросы о конечности времени и судьбе человечества в контексте космических процессов. В этом контексте движение космизма может пониматься как «реакция на безальтернативный футурологический пессимизм, на картину Вселенной, в которой человек оказывается бессмысленным и ненужным созданием, величиной, которой можно пренебречь» [7, с. 19]. На этом фоне философия русского космизма отличается яркой религиозно-антропологической направленностью. Она осмысляет человека как становящееся, совершенствующееся существо в его планетарном и космическом масштабе. Преобразование человеческой природы при этом идеологами космизма (Н.Ф. Федоров, В.Н. Муравьев, А.К. Горский, Н.А. Сетницкий) видится осуществимым посредством культуры в соответствии с божественным замыслом о судьбе человечества. Таким образом, актуализируется вопрос о будущем коллективном жизнеустройстве и потребности в ясном образе того, что находится по ту сторону истории, а «субъектом планетарного и

⁵ См.: Ivanov E., Voskresenskiy A., Kozhurin A., Shevchenkova A. Exploring Alternatives in Political Narratives: National and Civilizational Identities in Global Discourse // *Relações Internacionais do Mundo Atual*. 2024. Vol. 2, No. 44. P. 257–265 [6].

⁶ См.: Тепловая смерть Вселенной [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/teplovaia-smert-vselennoi-297bef> (Дата обращения: 08.06.2025).

космического преобразовательного действия признается не отдельный человек, а соборная совокупность сознательных, чувствующих существ, все человечество в единстве своих поколений»⁷.

Несмотря на то что космизм и авангард в своих футуристических форсайтах могут восприниматься как своего рода контрпроекты, выбирающие диаметрально противоположные стратегии упорядочивания и сонастроенности с хаосом соответственно⁸, то общее, что в них выделяется, – это обращение к коллективному модусу человеческого существования в его открытости и направленности к цельному образу будущего. В связи с этим проекты космизма и русского авангарда представляют особый интерес не только как определенные и отдельные друг от друга исторические события мысли, но и как интуиции относительно современного положения человека в условиях цифровой эпохи с ее сближением прагматического и идеального, повседневного и возвышенного, практического и теоретического.

В будущее возьмут всех

Обращение к теме будущего в формате его конструирования и утверждения – общий момент проектов космизма и русского авангарда. И в этом чрезвычайно важна роль эстетической мысли. Субъект авангардного сознания непосредственно представляет свое будущее: эстетическое, ввиду его прозрачности, превращается в своеобразное фундаментальное *отстранение*. Космизм и авангард ориентированы на проективность, в такой интенции энергично взаимоустремлены представления о порядке космоса и субъективные устремления творческого субъекта.

Но как свести воедино субъективное – авангардное – целеполагание и надличностность структуры?

Свершение желаемого и воспринимаемого в качестве необходимого будущего обеспечивается тотальной включенностью отдельных индивидов в коллективную производственную и духовную силу.

Идеи космизма относительно необходимости перехода человечества в коллективное состояние во многом созвучны теориям и практикам русского авангарда. Кубофутуристы, супрематисты, а позднее производственники в своих манифестах от лица всех нацеленных на прогрессивное будущее («Мы») предлагали сбросить с парохода современности классиков («Пощечина обществу вкусу»), переводили художников в статус марсиан (Хлебников), заявляли о своих желаниях («Мы хотим» Уновиса), воспитывали новых людей с помощью кинематографа (Вертов). При этом стоит отметить, что в стремлении к всепла-

⁷ См.: Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 32 [8].

⁸ См.: Menzel B. Russian Cosmism // The European Legacy. 2021. Vol. 26(7–8). P. 862–864 [9].

нетарному духовному братству космизм, в отличие от авангарда, выступает типичным явлением модернистского толка. Как отмечает В.П. Руднев⁹, различие между модернизмом и авангардом проходит по линии прагматики. В своем стремлении создавать новое модернист ограничивается художественной формой, действуя как художник или ученый, в то время как авангардист, как правило не без эпатажа, активно воздействует на публику, прорывается в быт и жизненное пространство своей эпохи.

На каких принципах может быть основана искомая и космизмом, и авангардом общность? Прежде всего, стоит отметить удержание различия природного и культурного. Проект «регуляции природы» Федорова сохраняет дистанцию между материальным и духовным, нацеливаясь на подчинение первого последнему. Человечество не предназначено для растворения в единообразной ткани космоса, напротив, оно последовательно выстраивает и сохраняет идентификацию себя как общности разумных существ, существ действующих, полагающих смыслы, задающих ход событиям. Человеческое сознание сталкивается с необходимостью дальнейшей сознательной регуляции природы, сознательного управления эволюцией. Федоров пишет: «Природа, враг временный, будет другим вечным, когда в руках сынов человеческих она из слепой, разрушительной силы обратится в воссозидательную» [11, с. 521]. Природа, несущая смерть живому и поэтому враждебная, требует борьбы с собой, но «борьба с ней не под силу отдельным лицам; она должна расширяться и организоваться в борьбу общественную, государственную и международную, то есть всенародную»¹⁰. В подобном объединяющем акте самозащиты перед угрозой природы человечество, по Федорову, способно оставить братоубийственные войны и солидаризироваться, выполняя общее дело. В основе регуляции природы, по Федорову, лежит особая этика долга – супраморализм, призывающий человека к делу воскрешения отцов-предков. Именно через регуляцию природы возможно приведение бытия в состояние нераздельности, цельности, подлинной соборности, вдохновленной осмыслением образа Пресвятой Троицы¹¹. Такой подход, продолженный последователями мыслителя, означает переосмысление отдельного человека как принадлежащего субъективности надличностного уровня: «Покорению природы, утилитаристскому и прагматическому отношению к научно-техническому прогрессу и его перспективам, когда не только земля, но и космос воспринима-

⁹ См.: Руднев В.П. Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 177 [10].

¹⁰ См.: Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 522 [11].

¹¹ См.: Гачева А.Г. Антропология и футурология в философском и художественном космизме // Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 641–697 [12]; Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров // Созидание будущего: философия русского комизма. М.: Ноократия, 2020. С. 210–245 [13].

ются лишь как источник ресурсов, сырьевой придаток цивилизации, они противопоставляют идеал регуляции, субъект-объектному отношению к бытию – субъект-субъектный, декларируют необходимость единства цели и средств и, проектируя развитие науки, техники, технологий, настаивают на его этическом векторе» [14, с. 169]. Так, например, В.И. Вернадский, развивая свою концепцию перехода биосферы в ноосферу, отмечает всеобщность и коллективность ноосферного действия: «Человечество, взятое в целом, становится мощной геологической силой. И перед ним, перед его мыслью и трудом, становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого. Это новое состояние биосферы, к которому мы, не замечая этого, приближаемся, и есть *ноосфера*» [15, с. 349].

Сторонники авангарда с интересом относились к научным открытиям своего времени – наука значима для искусства и для проектов регуляции природы. Якобсон писал в воспоминаниях: «Для нас не было границы между Хлебниковым-поэтом и Хлебниковым-математическим мистиком» [16, с. 73] – обновитель поэтического слова выступал как создатель нового представления о мире, открывающегося в поэтическом языке. Ориентированные на форму опыты футуристов сближали их творчество с «магическими формулами гностиков». В письме Алексею Крученых Якобсон говорит о поэтах как особенных существах – «иррациональных бродягах». Этот не совсем проясненный в философском плане жест в будущем сближается с фигурами нового *гностика, диагноста, свидетеля* и даже радикально отвертывающегося от мира «ушельца в щель» (Сигизмунд Кржижановский).

Малевич, говоря об отношениях человека и природы, подчеркивает необходимость ухода от подражания природному в искусстве: «Природа есть живая картина, и можно ею любоваться. Мы живое сердце природы. Мы самая ценная конструкция этой гигантской живой картины... Повторить ее есть воровство, и повторяющий ее есть воруемый. <...> На художнике лежит обет быть свободным творцом, но не свободным грабителем... А это возможно тогда, когда мы... приучим сознание видеть в природе все не как реальные вещи и формы, а как материал, из массы которого надо делать формы, ничего не имеющие общего с натурой» [17, с. 40–41]. Символическая взаимосвязь между проектами супрематизма и космизма прослеживается через образы креста, крестьянства, работы на земле, к которым в разные периоды обращается художник¹².

Для Малевича и других авангардистов искусство – больше чем искусство в привычном в то время понимании этого слова. Искусство перестает пониматься как способ наслаждения, созерцания, оно начинает служить инструментом явления миру истинного порядка вещей, новой гармонии. Так, например,

¹² См.: Меденица В. Мат в два хода: можно ли говорить о существенном сходстве между супрамодализмом Н.Ф. Федорова и супрематизмом К.С. Малевича? // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903): сб. науч. ст. / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов; отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018. С. 572–590 [18].

супрематический проект нацелен на экспансию во все сферы жизни людей – от архитектуры до узоров на обоях. Еще более глубокая духовная взаимосвязь с идеями космизма прослеживается в теоретическом осмыслении принципов нового искусства художником Василием Чекрыгиным под впечатлением от знакомства с русской религиозной философией, в том числе с проектом Федорова¹³. Чекрыгин разрабатывает проект «Собора Воскрешающего Музея», в котором художникам отводится свое место во всеобщей преобразующей деятельности: «Пришедший в разум человек объединит духовные силы, соединится в Братство. В едином опыте, труде, знании, строя орудия и испытывая действия напряженности тел, поставит первым делом всеобщего труда – устранение раздора, бурь, грозы вселенной, безобразные силы возводя в материал новой архитектуры, соединяя живое с первоначалом, строя тела из огненных зерен, ибо назначение искусств человека – восстановить в подлинном историю в совершенстве» [20, с. 471].

Близость авангарда повседневным практикам делает его одним из родоначальников дизайна в промышленной среде, смещая внимание с его [авангарда] философского заряда на переустройство мира. Например, при обращении к феномену Вхутемаса как образовательного учреждения нового толка важно не только учитывать передовые для своего времени способы решения вопросов функциональности и утилитарности предметов обихода, но и обращать внимание на сам процесс обучения и фундирующие его идеи коллективного совместного бытия, включенности художников в процесс производства, их сонастроенность с потребностями общества, с которым они делят общее чувство мира.

Другим принципом общности как для космизма, так и для русского авангарда можно назвать работу с ясно обозреваемым будущим. Проектам космизма и авангарда не свойственно ограничиваться рефлексией относительно настоящего и наброском возможного сценария грядущего. В своем обращении к будущему они предельно точны и конкретны. Их рассуждения лишены поправок на вероятность. Такой подход указывает на иное понимание времени, лежащее в основе их прогностики. Ключевая идея космизма – воскрешение предков – требует особого обращения ко времени и его связи с пространством. Русские футуристы – будетляне – уже находятся в будущем, их имя – не предпочтение, не открытость различным сценариям, но принадлежность четко определенному будущему, к которому они готовы, в которое они намерены, пусть даже несколько снисходительно, вести цепляющихся за старые образы и привычки прошлого людей.

«Воскрешение есть полное выражение совершеннолетия, выход из школы...» [11, с. 87] – как бы отвечает Федоров И. Канту. Этот рискованный шаг – дать имя совершеннолетию, заглянуть по ту сторону дрящегося из века в век преодоления несовершеннолетия. Что позволяет Федорову встать на такую позицию? В. Софронов пишет: «“Тайна” “русского космизма”, которая должна быть открыта, состоит

¹³ См.: Титаренко Е.М. «Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьёв – Федоров – Чекрыгин // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 132–147 [19].

в том, что подлинная суть, подлинная и радикальная новизна (“небывальщина”) *концепции Федорова – это экспансия не в пространстве, а во времени*, это имманентное, совершаемое усилиями самого человечества, воскрешение мертвых» [21, с. 136–137]. Именно иное чувство времени и его взаимосвязи с пространством, своего рода его «опространствливание», позволяет помыслить обратимость смерти и необходимость всеобщего участия в утверждении вечной жизни.

Мотивы выхода за пределы привычного течения времени к вечному созиданию можно встретить и у Малевича. В заметках к так и не опубликованному тексту «Мы» художник видит во всеобщей солидарности людей способ преодолеть напряжение между индивидуальным и божественным и выйти из порочного круга изжившего себя искусства подражания природе. Т.В. Горячева приводит следующие строки черновика Малевича, посвященные воцарению нового коллективного свободного мира: «Все искусство с того момента, когда все “Я” перейдут в “Мы”, должно выйти в органическое действие изобретения совершенства, нет поэзии воспевающей, нет театра представляющего, нет музыки увеселяющей, нет искусства изображающего, и нет искусства “Я” личного, ибо “мы” – единый организм» [22, с. 62].

Борис Арватов, осмысляя производственное искусство и тот вклад, который внесли в его становление художники и теоретики ЛЕФа, говорит об эпохе индустриального коллективизма как об уже свершившейся. Пройдет совсем немного времени, и соцреализм вернется к изображению настоящего в его историческом развитии и состоянию затяжного поиска путей осуществления лучшей жизни для всех людей, но в 1926 г. Арватов исходит из установки уже изменившейся реальности и будущего как неизбежно свершающегося: «... точно так же, как люди не ждут социализма, а накапливают его элементы уже теперь, – точно так же производственное искусство должно... осуществляться сейчас» [23, с. 93].

Удержание напряжения между природным и разумным, нацеленность на размыкание границ индивидуального при сохранении личного чувства сопричастности, перспектива жизни вне времени – в эпоху кризиса массовой культуры и разворачивающихся постчеловеческих сценариев подобные ходы мысли прошлого вновь становятся интересны. Помещенные в современную ситуацию, они становятся способными к локальной работе в качестве фундирующих смыслов для общественных, научных и художественных практик.

Следующие шаги

Попытки переосмысления идей коллективного и общего с учетом выведения за скобки обрамляющих их эпатажных образов осуществляются с момента их концептуализации. В. Софронов отмечает работу В. Муравьева «Овладение временем как основная задача организации труда» (1924 г.) как перевод философии общего дела Федорова «...с языка родства, долга, морального усилия на язык теории множеств, теории систем, социологии»¹⁴. Следует отметить, что

¹⁴ См.: Софронов В.В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2022. С. 96 [21].

Муравьев, дистанцируясь от религиозной стороны учения Федорова в связи с разворачивавшейся антирелигиозной кампанией 1920-х годов, тем не менее сохраняет приверженность идее необходимости всеобщего универсального объединения. В его проекте овладения временем, обосновываемом уже научной возможностью, достижение идеала требует определенных условий: «...исполнение этого идеала зависит исключительно от всеобщности усилий, направленных к его достижению. <...> Однако такая всеобщность усилий предполагает всеобщее согласие, а последнее требует сознательности всех существ. Поэтому, пока нет такой сознательности, мировое свершение времени остается лишь как проективное положение, которое лишь в отдаленном будущем, в случае наших усилий и усилий других существ сделаться сознательным, приблизится к претворению в положение объективное» [24, с. 39]. Такой ход мысли Муравьева можно назвать продолжением его более ранних идей, изложенных в мистерии «София и Китоврас», в которой искомая спасительная всеобщность еще связана с образами соборного действия. Устами Китовраса Муравьев отмечает: «...когда подвижник погружается в себя, остается один с собой и пытается превратить свое “я” в целое, во все, в Бога, его постигает страшная кара. Он проявил самый большой и самый тонкий эгоизм, он отъединился от мира, он, так же как и безбожный земной индивидуалист, объявил своеволие подвига и самоспасения» [25, с. 212]. Ответом на проблему духовного индивидуализма для Муравьева выступает не отказ от личного мистического опыта, но должное его направление. Пресвитер Иоанн, герой мистерии, выражает данную мысль таким образом: «В человеческой душе рядом с ее личной глубиной раскрываются другие глубины – а именно, вся сложность человеческих взаимоотношений – макрокосм в микрокосме. Религия говорит о спасении одного человека, но она же говорит о всех личностях, о всем мире. Глубокая скорбь человека об одной потерянной душе превращается в скорбный хор всех духовно страждущих и недугующих. И только в этом объединении молитв может раскрыться истинный Бог, если вообще он людям раскрывается. Путь к нему лежит не только через личность, но необходимо через соборное делание, через Церковь» [25, с. 212].

Современная мысль сталкивается с необходимостью отказа от пафоса разработки единого сценария благополучного жизнеустройства, оказываясь перед возможностью развития региональных стратегий смыслогенеза, основанных на интуициях проектов прошлого. Одним из возможных пространств рефлексии при этом может выступать сфера образования. Современность ставит сферу образования перед необходимостью поиска новых оснований для выстраивания стратегий обучения и процессов коммуникации внутри образовательного сообщества. Если традиционно образование понималось в основном как начальный этап предсказуемой карьерной траектории, то сегодня принято говорить о новой задаче образования – подготовке к жизни в состоянии неопределенного будущего: «За последние полвека мысль обнаруживает тенденцию к новому (обогащенному всеми новейшими научными открытиями) варианту античного космологического воззрения и отчасти даже к научному подтверждению некоторых мотивов

ветхозаветно-христианской космологии» [26, с. 13]. Выстроенная в ходе истории социальная идентичность человека не стремится к реконструкции древних переживаний. Гераклитова река требует от субъекта новой оптики в отношении себя, мира и времени: «Космистски ориентированный субъект-свидетель не только реально представляет прошлое и настоящее, но прозревает дальнейшее-иное – для такого положения обязательно переживание некоторой антропологической заброшенности и утраты себя в потоках цифровой реальности, одиночества, отчужденности и одновременно же экзистенциальной *призванности*» [26, с. 18]. Описанные выше переживания могут стать основой для некоторой региональной общности – в масштабе образовательного учреждения, проекта, курса, не *преодолевающей* вызовы времени, не диктующей отжившие правила и формы жизни, но ищущей новые творческие способы совместного жизнеустройства.

Заключение

Обращение к проектам космизма и авангарда и переосмысление представленных в них концептов коллективности позволяют исследовать сформулированное в них понимание субъективности как живой общности, выходящей за рамки традиционных бинарных оппозиций – индивидуального и массового, субъектного и объектного. Подобный подход отказывается от механистического уравнивания человека с другими существами или объектами неживой природы, предлагая вместо этого идею общности, сохраняющую свою уникальность и исключительность. Такая общность задумывается не как ассамбляж, не как случайный момент из множества событий мира, но как специфический способ сосуществования, в котором человек остается одновременно включенным в природные процессы и при этом наделенным своим особым статусом.

В отличие от утопических проектов прошлого, которые стремились к глобальному объединению и универсальной гармонии всех человеческих индивидуальностей, современное обращение к идеям космизма и авангарда открывает путь для локального применения концептов солидарности. Это позволяет переосмыслить коллективное не как инструмент подчинения или слияния, но как средство сосуществования, способное учитывать разнообразие отношений между людьми, природой и технологиями. Подобное локальное применение идей коллективности становится особенно актуальным в условиях усиливающегося кризиса гуманистических подходов и растущего влияния постгуманистического дискурса, нивелирующего человеческую уникальность в пользу более широких систем взаимодействий.

Трактовка общности, предлагаемая проектами космизма и авангарда, представляет собой альтернативное понимание человека, дистанцирующееся как от гипертрофированного индивидуализма, так и от постантропологических установок, нацеленных на преодоление субъективности. В поле интересов философии космизма и смысловых установок русского авангарда – поиск путей

формирования солидарности через опыт этического и эстетического единения (братство всех людей, чувственное освоение и преобразование мира), а также удержание дистанции между человеком и его окружением. Такое понимание общности и коллективности способно выступать инструментом для переосмысления локальных социальных, экологических и культурных инициатив перед лицом глобальных вызовов, таких как отчуждение, климатический кризис, или цифровая фрагментация социальной реальности.

В исследуемом контексте идеи русского космизма и авангарда находят свое новое звучание: они больше не воспринимаются как романтические мечты о единении, но становятся философскими и практическими ориентирами для построения локальных жизнеспособных форм общности, нацеленных на отдельные сферы жизни. Это могло бы быть определено как топологически ориентированная философия – особый *космо-логос*. Идеи о взаимообращенности авангарда и космизма ценны не только для теоретической мысли, но и для практической реализации в рамках социальных, образовательных, экологических и культурных инициатив жизнестроения.

Список литературы

1. Павлов А. Метамодернизм: критическое введение // Метамодернизм. Историчность, эффект и глубина после постмодернизма / под ред. Р. ван ден Аккера и др.; пер. с англ. В.М. Липки; вступ. ст. и науч. ред. А.В. Павлова. М.: РИПОЛ классик, 2022. С. 7–33.
2. Грякалов А.А. Диалог, событие и субъект-свидетель – топо-модерн? // Византия, Европа, Россия: социальные практики и взаимосвязь духовных традиций. Архив конференции. Вып. 2: материалы Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 22–24 сентября 2022 г.). СПб.: Изд-во РХГА, 2022. С. 11–30.
3. Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий: пер. с нем. // История понятий, история дискурса, история менталитета: сб. ст. / под ред. Х.Э. Бёдекера. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 328 с.
4. Фуко М. Что такое Просвещение? / пер. с фр. и примеч. Н.Т. Пахарьян // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 132–149.
5. Афанасов Н. Ускоренная рефлексивность – депрессивная социальность // Логос. 2023. Т. 33, № 6(157). С. 1–28.
6. Ivanov E., Voskresenskiy A., Kozhurin A., Shevchenkova A. Exploring Alternatives in Political Narratives: National and Civilizational Identities in Global Discourse // *Relações Internacionais do Mundo Atual*. 2024. Vol. 2, No. 44. P. 257–265.
7. Гачева А.Г. Философия русского космизма и образ будущего // Земля и Вселенная. 2023. № 1(349). С. 14–35.
8. Семенова С.Г. Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.
9. Menzel V. Russian Cosmism // *The European Legacy*. 2021. Vol. 26(7–8). P. 862–864.
10. Руднев В.П. Модернизм // Словарь культуры XX века: Ключевые понятия и тексты. М.: Аграф, 1999. С. 177–180.
11. Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но тем не менее враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Соч. М.: Мысль, 1982. С. 521–522.
12. Гачева А.Г. Антропология и футурология в философском и художественном космизме // Человек и история в зеркале русской философии и литературы. М.: Водолей, 2021. С. 641–697.

13. Семенова С.Г. Философ будущего века: Николай Федоров // Созидание будущего: философия русского космизма. М.: Ноократия, 2020. С. 210–245.
14. Гачева А.Г. Футурология космизма в свете научной фантастики: опыт В. Муравьева и А. Горского // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22, № 3. С. 163–204.
15. Вернадский В.И. О ноосфере // Вернадский В.И. Собр. соч.: в 24 т. Т. 9 / под ред. акад. Э.М. Галимова; Ин-т геохимии и аналитической химии им. В.И. Вернадского; Комиссия РАН по разработке научного наследия академика В.И. Вернадского. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. Биосфера и ноосфера / науч. ред. и сост. акад. Э.М. Галимов. М.: Наука, 2013. С. 341–362.
16. Якобсон Р.О. Будетлянин науки // Будетлянин науки: воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта; испр. и доп. переизд. сб. материалов «Якобсон-будетлянин» (Стокгольм, 1992). М.: Гилея, 2012. С. 21–112.
17. Малевич К.С. От кубизма и футуризма к супрематизму // Малевич К.С. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Гилея, 1998. С. 35–56.
18. Меденица В. Мат в два хода: можно ли говорить о существенном сходстве между супраморализмом Н.Ф. Федорова и супрематизмом К.С. Малевича? // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903): сб. науч. ст. / сост. А.Г. Гачева, М.М. Панфилов; отв. ред. А.Г. Гачева. М.: Академический проект, 2018. С. 572–590.
19. Титаренко Е.М. «Реальное дело художника» и философия искусства: Соловьев – Федоров – Чекрыгин // Соловьёвские исследования. 2023. Вып. 4(80). С. 132–147.
20. Чекрыгин В.Н. О Соборе Воскрешающего Музея // Н.Ф. Федоров: pro et contra: в 2 кн. Кн. 2 / сост., вступ. ст., коммент. А.Г. Гачевой и при участии Е.В. Бронниковой, А.Д. Кожевниковой, В.Г. Макарова, Д.В. Фомина. М.: Изд-во Русского Христианского Гуманитарного института, 2008. С. 450–482.
21. Софронов В.В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: ЦЭМ: V-A-C press, 2022. 380 с.
22. Горячева Т.В. Теория и практика русского авангарда: Казимир Малевич и его школа. М.: АСТ: Времена, 2020. 237 с.
23. Арватов Б.И. Искусство и производство в истории рабочего движения // Искусство и производство: сб. ст. М.: Пролеткульт, 1926. С. 74–93.
24. Муравьев В.Н. Овладение временем как основная задача организации труда [Электронный ресурс]. URL: http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/muraviev_ovladienie.pdf (дата обращения: 16.08.2023).
25. Муравьев В.Н. София и Китоврас // Муравьев В.Н. Соч.: в 2 кн. Кн. 1 / сост., подгот. текста, коммент. А.Г. Гачевой. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 55–396.
26. Идеи космизма и философия образования: диалог и трансверсальность / А.А. Воскресенский, А.А. Грякалов, В.А. Рабош, К.В. Султанов // Научное мнение. 2023. № 4. С. 11–20.

References

(Sources)

Collected Works

1. Chekrygin, V.N. O Sobore Voskreshayushchego Muzeya [On the Cathedral of the Resurrecting Museum], in *N.F. Fedorov: pro et contra: v 2 kn. Kn. 2* [N.F. Fedorov: pro et contra: in 2 books. Book 2]. Moscow: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo Gumanitarnogo Instituta, 2008, pp. 450–482.
2. Malevich, K. Ot kubizma i futurizma k suprematizmu [From Cubism and Futurism to Suprematism], in Malevich, K. *Sobranie sochineniy v 5 t., t. 1* [Collected Works in 5 vols., vol. 1]. Moscow: Gileya, 1998, pp. 35–56.
3. Murav'ev, V.N. Sofiya i Kitovras [Sophia and Kitovras], in Murav'ev V.N. *Sochineniya v 2 kn., kn. 1* [Essays in 2 books, book 1]. Moscow: IMLI RAN, 2011, pp. 55–396.

4. Vernadskiy, V.I. O noosfere [On the Noosphere], in Vernadskiy, V.I. *Sobranie sochineniy v 24 t., t. 9* [Collected Works in 24 vols., vol. 9]. Moscow: Nauka, 2013, pp. 341–362.

Individual Works

5. Arvatov, B. Iskusstvo i proizvodstvo v istorii rabocheho dvizheniya [Art and Production in the History of the Workers' Movement], in *Sbornik statey «Iskusstvo i proizvodstvo»* [Collection of Articles “Art and production”]. Moscow: Proletkul't, 1926, pp. 74–93.

6. Fedorov, N. Kto nash obshchiy vrag, edinyy, vezde i vseгда prisushchiy, v nas i vne nas zhivushchiy, no tem ne menee vrag lish' vremennyy? [Who is Our Common Enemy, Unified, Present Everywhere and Always, Living Within Us and Outside Us, but Nevertheless Only a Temporary Enemy?], in *Sochineniya* [Essays]. Moscow: Mysl', 1982, pp. 521–522.

(Monographs)

7. Gacheva, A.G. Antropologiya i futurologiya v filosofskom i khudozhestvennom kosmizme [Anthropology and Futurology in Philosophical and Artistic Cosmism], in *Chelovek i istoriya v zerkale russkoy filosofii i literatury* [Man and History in the Mirror of Russian Philosophy and Literature]. Moscow: Vodoley, 2021, pp. 641–697.

8. Goryacheva, T. *Teoriya i praktika russkogo avangarda: Kazimir Malevich i ego shkola* [Theory and practice of the Russian avant-garde: Kazimir Malevich and his school]. Moscow: AST: Vremena, 2020. 237 p.

9. Kozellek, R. K voprosu o temporal'nykh strukturakh v istoricheskom razvitiy ponyatiy [On the question of temporal structures in the historical development of concepts], in *Sbornik nauchnykh statey «Istoriya ponyatiy, istoriya diskursa, istoriya mentaliteta»* [History of Concepts, History of Discourse, History of Mentality]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, pp. 21–34.

10. Pavlov, A. Metamodernizm: kriticheskoe vvedenie [Metamodernism: A Critical Introduction], in *Metamodernizm. Istorichnost', affect i glubina posle postmodernizma* [Metamodernism: Historicity, Affect and Depth After Postmodernism]. Moscow: RIPOL klassik, 2022, pp. 7–33.

11. Rudnev, V. Modernism, in *Slovar' kultury XX veka: Klyucheve ponyatiya i teksty* [Dictionary of 20th Century Culture: Key concepts and texts]. Moscow: Agraf, 1999, pp. 177–180.

12. Semenova, S.G. Russkiy kosmizm [Russian Cosmism], in *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian Cosmism: Anthology of Philosophical Thought]. Moscow: Pedagogika-press, 1993. 365 p.

13. Semenova, S.G. Filosof budushchego veka: Nikolay Fedorov [Philosopher of the Future Age: Nikolay Fedorov], in *Sozidanie budushchego: filosofiya russkogo komizma* [Creating the Future: the Philosophy of Russian Comedy]. Moscow: Nookratiya, 2020, pp. 210–245.

14. Sofronov, V. *Polozhenie mertvykh. Revizionistskaya istoriya «russkogo kosmizma»* [The position of the dead. The revisionist history of “Russian cosmism”]. Moscow: TSEM: V-A-C press, 2022. 380 p.

15. Yakobson, R.O. Budetlyanin nauki [Budetlyanin of science], in *Budetlyanin nauki: vospominaniya, pis'ma, stat'i, stikhi, proza* [Budetlyanin of science: memoirs, letters, articles, poems, prose]. Moscow: Gileya, 2012, pp. 21–112.

(Articles from Scientific Journals)

16. Afanasov, N. Uskorennyaya reflektivnost' – depressivnaya sotsial'nost' [Accelerated Reflexivity – Depressive Sociality], in *Logos*, 2023, vol. 33, no. 6(157), pp. 1–28.

17. Foucault, M. Chto takoe Prosveshchenie? [What is Enlightenment?], in *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya*, 1999, no. 2, pp. 132–149.

18. Gacheva, A.G. Filosofiya russkogo kosmizma i obraz budushchego [The Philosophy of Russian Cosmism and the Image of the Future], in *Zemlya i Vselennaya*, 2023, no. 1(349), pp. 14–35.

19. Gacheva, A.G. Futurologiya kosmizma v svete nauchnoy fantastiki: opyt V. Murav'eva i A. Gorskogo [Futurology of Cosmism in the Light of Science Fiction: The Experience of V. Muravyov and A. Gorsky], in *Problemy istoricheskoy poetiki*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 163–204.

20. Gryakalov, A.A. Dialog, sobytie i sub"ekt-svidetel' – topo-modern? [Dialogue, event, and subject-witness – topo-modern?], in *Archive of conference «Vizantiya, Evropa, Rossiya: sotsial'nye praktiki i vzaimosvyaz' dukhovnykh traditsiy»*, vyp. 2, Sankt-Peterburg, 22–24 sentyabrya 2022 g. [Archive of the Conference “Byzantium, Europe, Russia: Social Practices and the Interconnection of Spiritual Traditions”, issue 2, St. Petersburg, September 22–24, 2022]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2022, pp. 11–30.

21. Ivanov, E., Voskresenskiy, A., Kozhurin, A., Shevchenkova, A. Exploring Alternatives in Political Narratives: National and Civilizational Identities in Global Discourse, in *Relações Internacionais do Mundo Atual*, 2024, vol. 2, no. 44, pp. 257–265.

22. Medenitsa, V. Mat v dva khoda: mozno li govorit' o sushchestvennom skhodstve mezhdu supramoralizmom N.F. Fedorova i suprematizmom K.S. Malevicha? [Checkmate in two moves: is it possible to talk about significant similarities between N.F. Fedorov's supramoralism and K.S. Malevich's suprematism?], in *Sbornik nauchnykh statey «Moskovskiy Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov (1829–1903)»* [Collection of Scientific Articles “Moscow Socrates: Nikolay Fedorovich Fedorov (1829–1903)”]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018, pp. 572–590.

23. Menzel, B. Russian Cosmism, in *The European Legacy*, 2021, vol. 26 (7–8), pp. 862–864.

24. Titarenko, E.M. «Realnoe delo khudozhnika» i filosofii iskusstva: Solov'ev – Fedorov – Chekrygin [The “real business of the artist” and the philosophy of art: Solovyov – Fedorov – Chekrygin], in *Solovevskie issledovaniia*, 2023, issue 4(80), pp. 132–147.

25. Voskresenskiy, A., Gryakalov, A., Rabosh, V., Sultanov, K. Idei kosmizma i filosofiya obrazovaniya: dialog i transversal'nost' [Ideas of cosmism and philosophy of education: dialogue and transversality], in *Nauchnoe mnenie*, 2023, no. 4, pp. 11–20.

(Electronic Resources)

26. Murav'ev, V.N. *Ovladenie vremenem, kak osnovnaya zadacha organizatsii truda* [Mastering time as the main task of organizing work]. Available at: http://chronos.msu.ru/old/RREPORTS/muraviev_ovladenie.pdf (Accessed: 16.08.2023).